

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ РУССКОМ ПОСЕЛЕНИИ В УСТЬЕ РЕКИ ОЗЕРНОЙ

В последнее время камчатские исследователи В. Г. Спичак и А. А. Смышляев активно разрабатывают историю появления села Запорожье и Озерновского рыбокомбината. Эта тема мне близка, так как я являюсь уроженцем этих мест и в настоящее время также работаю над историей названного комбината. Поэтому хочу добавить к уже опубликованной информации несколько фактов и соображений, которые, может быть, позволят дополнить картину начала промыслового освоения юга нашего полуострова.

Промысловые богатства юга западно-камчатских вод давно привлекали к себе внимание иностранных промышленников. Еще в шестидесятых годах XIX в. их облюбовали американские рыбаки, приехавшие за треской на Явинскую банку, лежавшую в море на расстоянии 15—25 миль от берега между селениями Явино и Голыгино [1, с. 12—13; 2, с. 552—555]. Американцы промыслили в здешних водах треску и в начале XX в.

В конце XIX в. интерес к камчатскому побережью стали проявлять японцы, с 1875 г. утвердившиеся на Курильских островах. Их интерес к полуострову подогревался рассказами побывавших здесь соотечественников, которых в сезоны 1896—1897 гг. нанимали в качестве рабочей силы появившиеся на Камчатке первые русские рыбопромышленники. Японцы убедились не только в сказочных природных богатствах полуострова, но и в его полной беззащитности: здесь не имелось ни многочисленного населения, ни регулярных воинских частей.

Официальный доступ к рыбным запасам полуострова японцы получили по русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., ставшей прямым следствием мирного Портсмутского мирного договора, закрепившего неудачные для России итоги войны. Конвенция запрещала иностранный промысел в заливах, бухтах и устьях рек. Заниматься этим могли только подданные Российской Империи. Как известно, в р. Озерную заходит одно из самых больших на тихоокеанском побережье стад нерки, или «красной», как ее называли раньше, — самого дорогостоящего вида лосося. Консервы из этой рыбы имели наибольшую стоимость на международном рынке.

Естественно, что японцы были заинтересованы в доступе к такой богатой сырьевой базе. Видимо, совсем не случайно, что рыбопромышленное освоение р. Озерной началось в этом же году. Весной 1907 г. в устье реки обосновалась первая русская колония, основателем которой стал Иван Афанасьевич Потужный. По словам современника, это был «высокий, крепкий старик, обросший большою седою бородой. Движения его степенны, речь плавная... Много лет назад он командовал пароходом на Амуре. С началом постройки северного участка Уссурийской железной дороги бросил пароход и стал подрядчиком. По окончании постройки дороги, он переехал в Японию и занялся там торговлей» [3, с. 71].

На средства японских рыбопромышленников (в счет платы за будущий улов, который они должны были получить с поселенцев) из тонких досок были сооружены два небольших домика, обложенные дерном и покрытые волнистым железом. Каждый домик состоял из нескольких помещений, отапливавшихся русскими печами работы колониста Васильева. Он, по профессии механик, научился складывать печи уже здесь, на месте. В домиках жили семейные поселенцы. Сами колонисты выстроили одну землянку — здесь размещались холостые [3, с. 8].

По замыслу И. А. Потужного, все колонисты должны были работать на равных. Сам же он намеревался стать посредником между ними и японцами и заняться снабжением колонии всем необходимым. Скоро между колонистами начались недоразумения, часть из них отказалась работать, их и заменили наемными рабочими. Но отказавшиеся от работ продолжали считавшие себя хозяевами. Они требовали от Потужного свой пай: выдачи продуктов наравне с остальными.

За первый сезон рыбы добыли немного из-за больших затрат времени и сил на первоначальное обустройство колонии, постройку землянки, устройству вешал для рыбы, заготовки дров и прочего. И. А. Потужный смог продать рыбы в Японии на 15 тыс. руб. Из этих денег он должен был заплатить за построенные дома, купить продовольствие на зиму, заплатить рабочим и членам колонии. Срок платежа приходился на август 1907 г., когда Потужный пребывал в Хакодате. Но платить он не стал, а вырученные деньги оставил у себя. Заготовленного летом продовольствия хватило лишь до осени. Хотя военный транспорт «Шилка», уходивший с Камчатки во Владивосток и подошедший к устью р. Озерной, и снабдил колонию некоторым количеством муки и соли, но зимой начался голод. Колонисты пытались охотиться на медведей, но их было мало.

Зимой И. А. Потужный выписал муку из Петропавловска. Ее доставляли камчадалскими собачьими упряжками в очень незначительных количествах, так что после прихода очередного транспорта на ка-

ждого местного обитателя приходилось лишь по пригоршне. В апреле 1908 г. начался настоящий голодный бунт. Одни очевидцы рассказывали, что некоторые колонисты в озлоблении порывались убить Потужного. Другие говорили, что голодные люди решили убить и съесть его свинью. Когда стреляли в животное, Потужный находился близко и принял это за покушение на свою жизнь. Перепуганный, он заперся в своем жилище и три дня никому не показывался, после чего тайно уехал в Петропавловск. От голодной смерти всех избавил колонист И. Л. Хлоптунов, выдававший колонистам муку и крупу из своих запасов.

«По словам семьи Потужного, Хлоптунов, как более зажиточный, сначала считался кладовщиком, но скоро присвоил все вверенное его хранению имущество и стал возбуждать всех против Потужного. Колонисты приняли его сторону. Иван Афанасьевич, оставшись почти один, не мог заставить колонистов работать, а без этого он не считал себя обязанным их кормить. Кто прав?» [3, с. 9].

А вот как летом 1908 г., по свидетельству генерала-гидрографа М. С. Латернера, сам И. А. Потужный оценивал своих недавних подопечных. «Только когда заговорили о его колонии, он несколько заволновался. Всех колонистов он назвал лентяями, дармоедами, революционерами. Он заявил, что они действительно покушались на его жизнь, и убийство ими свиньи было только поводом к лишней ссоре. После этого он несколько дней не выходил из своей квартиры и уехал из Озерной тайком. В молодости он знал своих родственников в Херсонской губернии как скромных, трудолюбивых людей, почему и пригласил их в свою колонию. Оказалось же, что с течением времени они избаловались, а в последние годы заразились такими идеями, которые мешают им в серьезной совместной работе. Он предполагает выселить главных бунтарей и заместить их посторонними людьми, с которыми отношения будут проще. Начатое же дело колонизации он бросить не предполагает» [3, с. 71].

На сезон 1908 г. промысловый участок в устье р. Озерной был сдан в аренду «Товариществу на бере «Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкий и К^о»». В мае 1908 г. Грушецкий отправил на место рефрижераторный пароход «Роман». Судно доставило муку, крупу, соль и другие продукты. Его приход стал для местных обитателей настоящим праздником. К тому же река вскрылась ото льда, появилась первая рыба, и «теперь дети смотрят совершенно здоровыми, а женщины и некоторые мужчины смотрят даже веселыми». Но одновременно «Роман» привез поселенцам и плохие новости: фирма С. Грушецкого объявила, что право лова рыбы в р. Озерной принадлежит исключительно ей. С судна выгрузили на берег бочки, ящики, котлы, соль, рыболовную снасть, а также промысловиков — двух русских и десяток корейцев. Это вызвало новую вспышку гнева против Потужного, который, устраивая колонию, должен был знать, занята река или нет [3, с. 9].

«Роман» ушел из Озерной 24 мая 1908 г., а 25 мая сюда прибыл военный транспорт «Шилка», доставивший из Владивостока продовольствие и товары для колонистов. Их на деньги И. А. Потужного приобрел секретарь Владивостокской городской управы Вильчинский.

В это время колония, которую побывавший здесь М. С. Латернер именует «селением Озерное», состояла из 72 чел. Из них около пятидесяти мужчин, женщин и детей являлись собственно колонистами, остальные — работниками. Все колонисты приходились И. А. Потужному ближними и дальними родственниками, приехавшими сюда по его приглашению и частью за его счет из Херсонской губернии. Некоторые из них, такие как И. Л. Хлоптунов, покинули Херсонщину уже давно: они уехали в Енисейскую губернию или на Китайскую Восточную железную дорогу, где работали машинистами, телеграфистами и электротехниками, получая «хорошее содержание».

Основная масса колонистов ютилась в тесноте. Так, семья Васильева с женой и двумя детьми, один из которых новорожденный, занимала каморку объемом не более одной кубической сажени (сажень равна 2,13 м). В соседней, несколько большей комнате, жили восемь человек. Только помещения И. А. Потужного и И. Л. Хлоптунова были больше и светлее других. Они и обставлены были лучше. Здесь имелись железные кровати с матрасами и пирамидами подушек, столы, накрытые чистыми скатертями, на окнах висели кисейные, а на дверях — матерчатые занавески. Полы покрывали циновки и дорожки. Освещали жилище подвесные и стоячие керосиновые лампы, на стенах висело множество фотографий в рамках. Оба хранили домашние вещи в больших сундуках. Потужный имел старую мягкую мебель, обитую малиновой тканью, Хлоптунов — венские стулья. Особой гордостью последнего была большая венская гармонь, под звуки которой зимой устраивали танцы.

Помимо людей, в селении имелись восемь ездовых собак и один петух. Его привезла сюда в прошлом году одна семья. Она везла и одиннадцать кур, но все они пали в пути.

Похоже, что конфликт поселенцев с фирмой Грушецкого был отрегулирован вмешательством камчатских властей. Побывавший на месте в ноябре 1907 г. советник Приморского областного правления Ф. Ф. Сомов убедил начальника Петропавловского уезда оставить за поселенцами рыбалку на правом

берегу р. Озерной [4, л. 339—340]. Промысел Грушецкого размещался на левом берегу, где позже был возведен рыбоконсервный завод. Впрочем, этот конфликт оказался не последним.

13 сентября 1909 г. в устье р. Озерной побывал участник зоологического отдела экспедиции Ф. П. Рябушинского А. Н. Державин, прибывший сюда на пароходе «Владивосток». Вот какой увидел он колонию: «Еще с парохода было видно несколько крыш, выглядывавших из-за высокой “кошки”. Это — общественные здания колонии, теперь почти пустые. Три довольно больших одноэтажных дома из тонкого американского леса, почти до крыши обложенных для тепла дерном, пришли в упадок».

К этому времени здесь оставались только два семейства: Хлоптунова и Канцедала, а также несколько случайных «молодцов», сейчас находившихся на охоте. Большинство других членов колонии после прошлогоднего конфликта с И. А. Потужным расселились по окрестным камчадалским селениям или были вывезены отсюда уездной администрацией «от голодной смерти» [5, с. 311].

Теперь главой колонии был ее староста И. Л. Хлоптунов, коммерсант из Харбина, приехавший на Камчатку после русско-японской войны. «Его предприимчивость проявилась здесь весьма разносторонне: он ловил рыбу, скупал соболей в Явине и Гольгине, получал товар, являлся серьезным конкурентом для Компании (Камчатского торгово-промышленного общества. — С. Г.) и мелких скупщиков, посещающих этот район». Хлоптунов мечтал превратить колонию в настоящее поселение, утвержденное администрацией.

Экономической основой существования колонии оставался общественный рыбный промысел в р. Озерной. Заготовленная рыба продавалась, доходы распределялись между членами колонии. «Дело могло бы идти, но ввиду того, что оборудование промысла требовало капитала, а большинство колонистов сюда приходили без рубля, создавались условия, превращавшие кооперативное предприятие в капиталистическое, и колонисты попадали в экономическую зависимость от немногих более богатых членов колонии».

Помимо рыбного промысла колонисты промышляли охотой, хотя поначалу «соболь оказался для них недоступным, и первые охотничьи экскурсии оканчивались катастрофами». А. Н. Державин полагал, что перспективным занятием могло стать скотоводство [5, с. 311—312].

Мечты И. Л. Хлоптунова осуществились в 1910 г. С этого времени поселение в устье р. Озерной стало именоваться Унтербергеровкой (в честь «главного начальника края» — приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера), Впрочем, иногда использовались и производные названия — «Унтербергер» или даже «Унтерберг». В 1910 г. здесь жили 24 чел. За сезон этого года рыбаки, сдавшие фирме С. Грушецкого 120 000 свежих рыб и часть уже засоленного улова, «имели хороший заработок». На промысле фирмы Грушецкого работали привезенные из Владивостока 162 русских рабочих. Они получали 25 руб. в месяц, премию от улова и питались за счет хозяина [6, с. 23].

«Товарищество на вере “Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкий и К^о”» являлось одной из крупнейших отечественных рыбопромысловых компаний, работавшей на Камчатке в начале 1910-х гг. Его главная контора размещалась в Санкт-Петербурге. В 1914 г. председателем правления фирмы состоял граф Э. Ф. Берг, ее директором был Е. Э. Фон-Этлинггер. Основные промыслы фирмы размещались на западе полуострова в районах рек Большая и Озерная [7, л. 115].

Расширение Товариществом масштабов промысла на р. Озерной ввиду предстоящего устройства здесь рыбоконсервного завода (РКЗ) привело к очередному конфликту с местными жителями.

В 1912 г. смотритель рыболовства Пушкин отвел Грушецкому прямоугольный участок, частично накрывший территорию, которой уже несколько лет пользовались осевшие здесь рыбаки. Спорная земля находилась на правом берегу р. Озерной и имела форму треугольника площадью 310 кв. саженей. На ней стоял недостроенный деревянный склад, сооружение которого промысловый надзор приостановил из-за спора, возникшего между рыбаками и промышленником. Это место, возвышенное, сухое и прилегающее к удобному для притонивания невода речному берегу у него оспаривали поселенцы. Далее берег понижался и в половодье заливался водой.

8 июня 1913 г. жители Унтербергеровки в присутствии помощника начальника Петропавловского уезда И. Е. Анкудинова и промыслового пристава Л. Л. Шикера обсуждали на сходе вопрос «о спорном участке земли общества с товариществом “С. Грушецкий и К^о” — может ли общество уступить этот участок земли, дабы дружелюбно сойтись обеими сторонами».

Сход решил, что если областная администрация отберет у него этот клочок земли, то «рыбакам нельзя будет заняться засолкой и приготовлением рыбы своим трудом, и [придется] волей-неволей соглашаться сдавать таковую Компании... по той цене, по которой она захочет, и на тех условиях, на каких ей пожелается, — хорошо зная, что обществу приготовить рыбу впрок самим уже места не окажется». Тем не менее, рыбаки соглашались уступить фирме участок с тем, чтобы она «построила бы нам сруб с дерева на нейтральном берегу и подняла бы его на должную высоту, чтобы на этом срубе нам

было можно приготовить рыбу впрок». Сруб должен был иметь длину 50 и ширину 10 сажень. Для того чтобы его не унесло водой при наводнении, пол следовало выполнить в виде клеток, засыпанных галькой. Недостроенный склад, по мнению рыбаков, также нуждался в переносе.

Отсутствие на сходе представителя Грушецкого вызвало сожаление поселян, полагавших, что «если бы таковой присутствовал, то общество могло бы сойтись и на других бы условиях, дабы все сделать как лучше, то есть, не обижая себя и не делая вреда другим».

В этот же день Анкудинов и Шикер осмотрели спорную территорию, признав необходимым полностью передать ее фирме, теснимой «с юга, юго-запада рекою и морем, и с юго-востока — крестьянами, тогда как в распоряжении последних все правое и левое побережье реки, и устроить в том или другом засолку и склад можно при самой незначительной затрате труда и денег». В связи с этим представители администрации полагали, что выселение отсюда поселян будет «весьма желательно для прекращения враждебности сторон» [7, л. 28—30 об.].

Устье р. Озерной в месте впадения ее море в начале XX в. имело ширину около 15 сажень. На мелком бере резвились стада нерп. Для облегчения нахождения входа в устье реки использовались особые ориентиры. В 1908 г. в качестве такового называется русский национальный флаг [3, с. 6], в 1909 г. — некий «мигающей огонек» [5, с. 311].

Но с самого начала существования колонии избежать трагедий с людскими жертвами не удалось. В 1907 г. в устье реки погибли восемь матросов с военного транспорта «Колыма». По словам командира «Колымы» С. А. Иванова, с транспорта на берег была отправлена шлюпка во главе с офицером. Ко времени ее возвращения стало свежеть. Гребцы не справились с прибоем и приливом, шлюпку перевернуло, и все матросы утонули. Когда погода стихла, их тела, выброшенные на берег, взяли на транспорт и доставили для погребения в Петропавловск на городском кладбище. Спасся лишь один офицер, которого выкинуло волной на берег [3, с. 81]. Фрагмент чугунного креста с могилы моряков «Колымы» с надписью «Погибшим в борьбе с волнами» ныне можно наблюдать в экспозиции Камчатского государственного объединенного музея.

ИСТОЧНИКИ

1. Слюнин Н. В. Водные богатства Приморской области // Вестник рыбководства. — СПб., 1895. — 33 с.
2. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. Т. 1. — СПб., 1900. — 685 с.
3. Латернер М. С. Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на «Шилке». — Б/м, б/г. — 211 с.
4. РГА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 481.
5. Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского. Отдел зоологический. Вып. 1. — М., 1916.
6. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг. — СПб., 1912.
7. РГА ДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 62.